

Реформум

Василий Гатов

ГИПОТЕЗА ПЕРЕХОДА

Как желаемое и возможное будущее России
конфликтуют друг с другом

РЕФОРУМ

2022

Вступление

Любые разговоры об образе будущего для России натываются на риторическое (впрочем, не только) препятствие: как можно говорить о реформах, о лучшем устройстве общества в ситуации, когда не видно возможности поменять режим или хотя бы заставить его меняться в лучшую сторону? Разговоры о будущем, тем более – позитивном будущем выглядят каким-то безудержным оптимизмом.

Даже бессмысленная война в Украине, которая может – именно может – закончиться бесславым поражением российских Вооружённых сил, не даёт осмысленной надежды на перемены. У Украины нет никаких оснований «освободить» территории соседней ядерной державы; все союзники Украины рассматривают прямой конфликт с Россией на её территории как стопроцентный риск ядерной войны (и правильно делают). Даже крымский вопрос подвешен на этой нервно дрожащей нити – не посчитает ли Кремль атаки на территории Крыма (чьё вхождение в состав РФ не признано ни одной значимой страной мира, включая союзников по ОДКБ и ШОС) атаками по национальной территории? Не спровоцирует ли это применение тактического ядерного оружия?

Так что ситуация с будущим страны – патовая, и некоторые авторы [предлагают](#) принять её как *status quo*. Суперинститут президента (и лично Путин) хочет оставаться у власти и продолжать свою политику, в том числе агрессию против Украины. Другие ветви власти полностью подчинены и не располагают действенной субъектностью для изменения или хотя бы коррекции курса президента. Правительство отсутствует в политическом поле, занимаясь вытягиванием экономики, этим же занят Центральный банк. Количественно значимая оппозиция вытеснена в изгнание, сидит в тюрьмах и СИЗО и борется за сохранение хотя бы маргинального влияния на общественное мнение.

Эта пессимистическая картина и грустные выводы из неё доминируют в политическом анализе и дискуссиях; на недавно прошедшем Форуме свободной России в Вильнюсе большинство выступающих [признавали](#), что перемены «при живом Путине» невозможны. Отсут-

ствие спроса на перемены внутри самой России при этом интерпретируется через дефицит предложения

Меж тем содержательные дискуссии о будущем, о возможности того или иного варианта развития событий возможны и необходимы. В качестве базиса для таких дискуссий можно использовать разные методы анализа – или не использовать анализ вообще, полагаясь на ощущения, предчувствия или карты Таро. Мы же предлагаем вооружиться устоявшейся методикой, которая позволяет рассмотреть будущие перемены с формальной точки зрения, оценив не только возможность наступления желаемого, но и желаемость возможного.

Этот метод называется «теория перемен» (*theory of change*). Она была предложена Питером Друкером в середине 1950-х как бизнес-инструмент и более детально разработана в Aspen Institute в 1990-е. Теория перемен применима к большинству процессов в обществе и активно используется при планировании в американских государственных и благотворительных организациях.

Базовые параметры, которые необходимо задать при анализе в рамках теории перемен, – это желаемый результат (или некий паттерн результатов), участники процесса перемен, доступные и необходимые ресурсы, силы, противодействующие переменам, и, наконец, потенциальные союзники.

В случае с будущим России теория перемен помогает не только проверить исполнимость желаний, но и оценить, какие усилия и какой период времени потребуются для достижения, скажем, минимально желаемого, а сколько придётся вкалывать и ждать для идеального результата.

Давайте положим, что минимальным результатом в паттерне желаемого мы хотим видеть **прекращение войны в Украине, возвращение к дипломатии и хотя бы базовым принципам международных отношений**. Максимальный желаемый результат – **восстановление в России нормальной представительной демократии, прав человека и политических**

свобод, проведение мирной, конструктивной, пусть и внеблоковой и независимой политики.

Возможный результат почти всегда реалистичнее **желаемого**, поскольку в большей степени определяется естественной логикой, желаниями внутренних участников процесса и макрохарактеристиками системы (применительно к России – свойствами её крупных по численности институтов, таких как армия, службы безопасности,

правоприменительные органы). Объект анализа одновременно является и субъектом, с собственной внутренней волей и конфликтом.

В конце каждой главы мы будем формулировать наиболее вероятный вариант развития событий и оценивать его желательность исходя из названных в предыдущем абзаце принципов.

Цели определены, задачи поставлены

Главная минимальная цель нашей теории перемен – прекращение боевых действий. Субъективно война может быть остановлена российским руководством в один момент: можно предположить, что любое предложение прекращения огня будет, по крайней мере тактически, принято и украинской стороной.

Что может сформировать желание перемирия с российской стороны? Исключая волюнтаристское решение главнокомандующего, Россия может искать перемирия:

1. в момент, когда понимает **исчерпанность ресурсов для ведения войны** (риски срывов и проблем при продолжении операций становятся слишком существенными);
2. когда сталкивается с **критическими дисциплинарными проблемами во фронтовых частях**, угрожающими обвалом фронтов;
3. когда **исчерпание боезапасов для артиллерии, ракетных систем и ударной авиации** вынудит командование приостановить активные боевые действия и искать прекращения огня.

Другие проблемы, к примеру, трудности с восполнением личного состава боевых частей, критические проблемы в логистике, значительные локальные поражения и потери, не столь значимы и не будут основанием для прекращения боевых действий со стороны России.

Низовое антивоенное движение, прежде всего выступления матерей убитых, раненых и пленных солдат и семей, которые отказываются

отдавать детей армейскому Молоху, пока не может повлиять на решимость Путина и других членов руководства продолжать войну. Чтобы ситуация изменилась, масштаб потерь должен в разы превысить существующий и, главное, сместиться в центральные регионы страны с депрессивных окраин, где в основном вербуются. А Росгвардия и полиция должны отказаться бить и задерживать несчастных жён и родителей. Исключать подобное нельзя, но полагаться на это, к сожалению, абсурдно.

Примерно то же можно сказать о снижении пропагандистского эффекта кремлёвских медиа. Чтобы Путин/Кремль начали сворачивать войну, нужен не просто отказ населения от пропаганды и внедряемых ею лозунгов, но и активный рост антивоенных настроений при одновременном отказе сил безопасности подавлять выступления активистов-пацифистов.

Перейдём к эффектам от санкций и экономической изоляции: при каких обстоятельствах они могут стать триггером изменения российской политики? Зависит от масштаба проблем, их связи с возможностью армии продолжать противостояние и потенциалом потребительской экономики. По состоянию на начало осени 2022 года российская экономика выдерживает санкционное давление (хотя не очень надёжно), явных эффектов воздействия санкций на боеспособность армии пока не видно, а потребительская экономика адаптируется к ориентации на внутреннего производителя и преимущественно азиатское замещение.

Однако нельзя исключать, что все

перечисленные недокритические проблемы могут повлиять на курс руководства России, **если обострятся одновременно**. Скажем, дефицит значимого компонента (например подшипников) превращается в отсутствие; одновременно логистические проблемы обеспечения как армии, воюющей в Украине, так и наиболее тревожных для власти центров распределения из-за транспортных проблем, вызванных невозможностью (в том числе из-за дефицита деталей) ремонтировать подвижной состав железных дорог и

грузовики, становятся критическими. Лишённые снабжения, части на востоке и юге Украины теряют боеспособность и оставляют фронты...

Наконец, есть большое искушение сказать, что «исключение Путина» решит все вопросы, но, увы, это не так. Давайте проанализируем, каковы цели важнейшего противника прекращения войны, её причины и двигателя – семидесятилетнего подполковника спецслужб Путина Владимира Владимировича.

Чего хочет Путин

В попытке ответить, какие цели ставит себе Путин в текущей войне и какой результат боевых действий будет приемлемым для его этого вариантом, нужно бросить взгляд на общее путинское видение будущего.

Читать чужие мысли – незавидное занятие, однако в случае с публичными политиками мы можем изучать их выступления, взвешивая, какие из утверждений следует понимать буквально, какие – не учитывать, а какие – интерпретировать наизнанку. 23 года знакомства с Путиным – публичным политиком дают достаточно материала для такого анализа.

В большинстве случаев прямые высказывания Путина о будущем России предельно неконкретны: он видит страну «великой», «процветающей», «современной», «суверенной» и «комфортной». Эти определения повторяются в его ежегодных посланиях, публичных выступлениях и статьях. Из всех выбранных прилагательных недвусмысленным является только «суверенная», да и сам Путин прямо говорит, что наличие «полноценного суверенитета» есть признак сильной державы. Под суверенитетом он понимает полноценное самодержавие страны (точнее, её руководителя), который может принимать решения, не ограниченные тем или иным видом зависимости от более сильных государств. А меньшие по размеру и менее сильные в военном отношении страны заведомо обладают меньшим суверенитетом, чем Россия.

Величие же, процветание, современность и комфорт определяются только сравнением с дру-

гими странами и территориями. Этих сравнений, за исключением одного анекдотичного, Путин, как правило, избегал.

Отдельным пунктом следует выделить тезис 1999 года о том, что нужно догнать и перегнать Португалию (на тот момент одно из беднейших государств Евросоюза) по ВВП на душу населения. Судя по всему, эта идея была навязана Путину прагматиком-мечтателем Германом Грефом, коллективно осмеяна со всех политических сторон и довольно скоро исключена из повестки дня. После этой риторической неудачи Путин практически никогда не пытался «образмерить» будущее, более того, лично дистанцировался от таких попыток со стороны «Единой России» в 2004 году и не сильно одобрял прозрения-обещания своего сменщика Дмитрия Медведева в 2008-2011 годах.

Но если обратить внимание на то, чего в будущем, по мнению Путина, быть не должно, картина получится куда более конкретной.

Примерно с 2010 года в высказываниях Путина появляются формулы «в России не должно быть места» и «должно быть исключено». В ускоренном темпе «не быть» и «исключено» начинают добавляться в законодательство – от запрета оскорблять чувства верующих до возникновения списков «нежелательных» организаций и «иностранных агентов». В путинской суверенной модели будущего «не должно быть» независимых журналистов, СМИ, НКО и тем более иностранных фондов.

Будущую Россию Путин видит «мощной», вкладывая в это понятие прежде всего военную мощь, подкреплённую рычагами экономического воздействия на окружающий мир. «Мощь» будущего вычисляется Путиным (и тем, кто скармливает ему идеи ВПК) не через количество, а скорее через специфическое качество вооружений. Например, особым расположением президента пользуется система «Посейдон» – ядерная торпеда с гигантской по мощности боеголовкой. Она относится к так называемой системе «мёртвой руки», это оружие возмездия, которое задействуется, даже если пресловутые центры принятия решений в РФ уничтожены. Примерно в той же логике Путин описывал и проект крылатой ракеты с ядерным двигателем, которая может находиться в полёте практически бесконечно. А гиперзвуковые боеголовки, разработкой которых гордится Путин (если они вообще летают с заявленными характеристиками) – это оружие хулигана, который требует внимания и уважения к себе, потому что у него самый острый стилет.

Другие детали будущего в видении Путина – некие сверхкрутые треки образования в России, которые готовят теоретиков и конструкторов всё более совершенного оружия (об этом он говорил на презентации образовательного центра «Сириус»), создание центров сверхтехнологичной медицины (которыми по случаю заняты его дочери) да некоторые абстрактные образы, в частности, патриотизма как идеологии.

Итак, путинское видение будущего России состоит из одного основополагающего и трёх основных желаний:

- его личная бесконечно делящаяся власть;
- мощная, оснащённая опасным для всех окружающих оружием армия, в интересах которой работают наука и производство. Милитаризованная и охраняемая силовиками власть способна долго, как минимум до смерти лидера, удерживать ситуацию;
- умеренный технологический прогресс в сочетании с организованным образом жизни в основных городах (собянинская Москва) при высоком уровне политического контроля. Совсем без прогресса нельзя (население приучено), кроме того, как Путину и его окружению кажется, «выкорчёвывание» оппозиционно мыслящих журналистов, учёных, преподавателей пошло на пользу

народному единству;

- жёсткая, ригидная внешняя политика, построенная не столько на отстаивании собственных интересов России, сколько на отрицании интересов других, прежде всего бывших советских республик-государств, доходящая, как мы видим с 24 февраля 2022 года, до открытой агрессивной войны.

Проецируя эти цели на конкретные обстоятельства войны в Украине, можно сделать следующие конкретизирующие заключения:

- Поскольку одна из причин войны состоит в достижении – через подчинение Украины – того самого абстрактного «величия» России, то любые обороняемые или уступленные Украиной территории даже без полного военно-политического подчинения могут быть признаны «восстановлением величия».
- Продолжающаяся существенно больше ожидаемого война не укрепляет власть Путина, а, наоборот, ведет к её эрозии и распылению. Это либо и так понятно Путину, либо станет понятно, когда институты держиморд проявят самостоятельность.
- Военные потери (равно как и потери в престиже) пока не подорвали способность сил безопасности держать общество в узде, а воюющая армия пока не бежит и не сдаётся массово в плен; следовательно, угроза вооружённой дестабилизации не управляет политикой (пока).
- Более жёсткой внешней политики, чем в последние месяцы, Россия не проводила со времён послевоенного Сталина, и это полностью устраивает Путина (сюда можно включить и газовый шантаж Европы, и провокационную работу по задействованию «агентов российского влияния» всех мастей).

Как всё это соотносится с теорией перемен?

Прежде всего, главный актер российской политики и войны Владимир Путин не хочет будущего. Его устраивает созданное его решениями кошмарное настоящее Украины и России. Он может считать, что выполняет (или даже выполнил) им же придуманное назначение – вернул стране «величие», создав коктейль из Российской империи, СССР и собственной автократической модели. На деле он навязал России движение если не прямо в прошлое,

то куда-то в сторону по оси времени; пока есть Путин, есть война, пока есть война, есть Путин, перефразируя дурацкую фразу Вячеслава Володина.

Но «исчезновение» Путина есть хоть и

необходимое, но недостаточное условие будущих перемен. Чтобы будущее стало возможным, нужно смотреть на желания политического класса, «силовики» и других допущенных к управлению групп.

Какого будущего хочет окружение Путина

Сиюминутно подчиняясь путинской модели будущего-настоящего, его окружение видит куда более разнообразное грядущее.

Самый близкий круг, условно обозначаемый как кооператив «Озеро», включает в себя некоторое количество бывших министров, высокопоставленных военных и других «силовики». Все эти люди, их семьи на колени вверх и на несколько – вниз получили от Путина всё, что у них есть: деньги, власть, недвижимость, статус и то самое ожидание будущего, которое не более чем продлённое настоящее. Для самого ближнего круга единственное условие процветания их самих и их семей – власть Путина. Почти все в этой группе лично преданы Путину, связывают свою жизнь с его жизнью, отбрасывают в сторону мысль «что будет, когда его не будет» и, как мне представляется, почему-то считают, что даже если Путин умрёт, их делегированная власть продолжится. К этой группе принадлежат, например, руководители трёх крупнейших госкорпораций – Сечин, Миллер, Чemezov.

Чуть больше по размеру две другие опоры режима: руководство силовых ведомств плюс ключевые офицеры в цепочках принятия решений и «правительственные технократы». С обеими группами у Путина есть постоянный и плотный контакт, но со всеми этими людьми он на «вы». Они чётко понимают, что их место в иерархии ниже, чем у старых друзей и соратников. Если про «силовики» мы можем только догадываться, то про технократов многое понятно и так: эта группа не хочет углубления противостояния с Западом, не хочет углублённой милитаризации (но не может протестовать против войны в Украине), не хочет изоляции страны, потому что понимает политические, социальные и особенно технологические последствия. Силовики же уверены, что машина подавления справится с

любыми потенциальными возмущениями, что курс будет определяться если не ими непосредственно, то теми, кто не сможет игнорировать их мнение (и не будет иметь силового ресурса, чтобы их мнение ликвидировать).

Где-то между этих групп находятся провластные пропагандисты, настоящие платные поджигатели войны – руководство российских массмедиа, наиболее значимые теле- и радиоведущие, включённые в процесс формулирования и доставки ключевых сообщений. С одной стороны, влияние этих персонажей кажется значительным – ведь именно они пропихнули в сознание массового зрителя представление о войне в Украине как экзистенциальном конфликте с Западом, с США, с НАТО. С другой стороны, они полностью зависят и от «руки дающего» (т.е. государственных финансов), и от «руки смотрящего» (силовики, в их случае – самого отморозенного управления ФСБ по защите конституционного строя). Плюс они сами вскормили армию провоенных телеграм-блогеров, которые управляются существенно хуже, чем редакционный персонал, и гораздо ближе к военным, чем к Кремлю/правительству или ФСБ. В ситуации внутриэлитного конфликта мы, скорее всего, неожиданно обнаружим вернувшийся плюрализм людоедских мнений (с обеих сторон) и несколько внезапных исчезновений из эфира «чужих» пропагандистов. Так что у этой группы, кроме интереса «чтоб всё было как раньше», никаких других не просматривается.

Это – вершина и верхние уровни. В основании же властной пирамиды находятся три группы с совершенно разными интересами. Это региональные элиты, военные (кроме разведки, которая во втором круге припутинского ада) и большая компания руководителей важных государственных организаций, от экономики до

образования. Там же место крупным бизнесменам, чьим мнением интересуются, но которые при этом выступают «кормовой базой» для силовых ведомств, заподозривших их в нелояльности. Поддержка путинского видения будущего в этих группах не является ни полной, ни искренней; более того, в каждой из них есть искренние критики, которые сегодня замкнули рот на замок. В отличие от первого и второго уровня путинской поддержки, эти люди рассчитывают на жизнь и после Путина, соответственно, видят как минимум два варианта – продолжение режима и его прекращение.

Перечислим индикаторы, которые представляются важными.

1. Ни одна из элитных групп не хочет ускорения времени – скорее наоборот, все они заинтересованы в консервации и замедлении. Следовательно, из всех вариантов, предлагаемых к обсуждению и оставляемых на решение первого лица, наиболее будут получать максимальную поддержку, формируя более чем тормозную политическую линию.

2. Война обострила противоречия между «силовыми» группами, близкими к Путину, в особенности между военными и ФСБ. При этом каждая из сторон предвидит множество неприятностей в случае завершения боевых действий и начала разбирательства в стиле «кто виноват?». То есть две ключевые группы с оружием в руках явно не заинтересованы в прекращении войны в Украине и при этом параллельно с основной деятельностью занимаются накоплением компромата на потенциальных врагов в рамках системы. Если путинский контроль ослабнет, конфликт между армией и ФСБ может превратиться во что-то более серьезное.

3. Региональные элиты продолжают делать вид, что обслуживают интересы федеральных – в частности, формируя добровольческие батальоны, агитируя и преследуя инакомыслящих в местных традициях (убивая их в Чечне и «вынося предупреждения» на Северо-западе). Подлинные региональные настроения глубоко скрыты и размыты федеральной медиапропагандой, а также коммерческим

призывом, в особенности в беднейших регионах России (Тыва, Бурятия, Алтай). Полгода войны – слишком малый срок, чтобы её негативное воздействие на локальные сообщества радикально изменило их отношение к развязавшей войну власти, хотя принятое решение о частичной мобилизации может значительно ускорить этот процесс. Но в РФ, в отличие от СССР, ряд национальных республик строят идентичность именно на отделении интересов коренного народа от интересов всей страны. Политическое и социальное минное поле, заложенное национальной политикой Татарстана, Якутии, Башкортостана, может стать серьезным и опасным тестом для федерации.

4. Федеральные власти не случайно так долго колебались в отношении массовой мобилизации для войны в Украине. Во-первых, при насильственном призыве неизбежны «перегибы» – от роста насилия до множественных ошибок (когда призывают не подлежащих призыву). Как показывает опыт афганской войны, обратный проток «груза 200» довольно быстро приведёт к бегству мобилизуемых, к дезертирству и росту коррупции вокруг военкоматов. Увеличение финансовой мотивации как для добровольцев, так и для «частично мобилизуемых» – не только дополнительные расходы бюджета, которые никто не планировал, но и дополнительный источник напряжения. Фактически двойной принцип комплектования ВС РФ также становится ловушкой для планов призыва в ситуации ограниченного военного конфликта.

5. И самое важное: персоналистская диктатура отдаёт приоритет лояльности в критически важных узлах власти. И в менее напряжённых условиях путинский режим предпочитал лояльность профессионализму и экспертизе; в военное время слепая преданность ещё ценнее. Качественная деградация систем управления усиливается не только из-за их органических проблем (таких как выбор наименее рискованных вариантов), но также из стремления доказать лояльность и послушность.

Суммируя сказанное в этой главе, ещё раз оговоримся: оценивать коллективное сознание (и

тем более бессознательное) нескольких десятков тысяч людей есть занятие бессмысленное и неблагодарное. Выводы сугубо интуитивны и основываются не на знаниях, а на известных свойствах человеческой природы в определённых не очень комфортных обстоятельствах.

Для применимого анализа в части теории перемен важны несколько выводов:

- **Окружение Путина неоднородно и, скорее всего, по-разному видит будущее.** Тактически даже ненавидящие друг друга группы могут образовывать альянсы и для влияния на живого Путина, и для доминирования/сопротивления при «исключённом Путине».
- В условиях внешнеполитической и экономической изоляции **большинство элитных групп вынуждены быть лояльными** – в противном случае они могут быть уничтожены, в том числе физически. Возможности second track в отношениях между российскими элитами и Западом сейчас минимальны, и появление «парламентёров» возможно только когда персональный путинский контроль ослабнет или исчезнет. Это не способствует ни снижению рисков, ни пониманию ситуации в Кремле и вокруг.

- **Даже прозападные и нейтральные группы с большими финансовыми и иными интересами вне России сегодня отторгнуты и Кремлём, и Западом,** а потому чувствуют себя вдвойне уязвлёнными. При том, что большинство людей в окружении Путина прямо виновны в развязывании агрессивной войны, их полная изоляция не способствует ни пониманию ситуации, ни её разрешению.

Окружение Путина, и «столпы» его режима прежде всего, полностью зависят от лидера. Пока он жив и силен, они поддерживают его отношение к будущему: «лучше бесконечное настоящее». Однако ослабление Путина, его «исключение» или возможное появление преемника-2024 с переконфигурацией власти немедленно проявит два, и возможно – и больше основных течения: агрессивное и умеренное. Первое будет не просто настаивать на продолжении войны в Украине, но, возможно, пойдёт на радикальные шаги, от которых сам Путин пока воздерживается. Второе, скорее всего, постарается «свернуть» войну в надежде удержать ситуацию в экономике и остановить ускоренную милитаризацию в пользу развития, пусть и в изоляции.

Чего хочет от будущего население России

Казалось бы, сто сорок миллионов людей, очень разных и живущих в очень разных условиях, – невозможное поле для анализа, в лучшем случае можно опираться на намёки из социологических исследований. Но в отличие от элитных групп, национальная совокупность обладает признаками, которые отчасти упрощают анализ.

Во-первых, большие массы людей более **инерционны**. Их приоритеты держатся долго и меняются медленно.

Во-вторых, российское массовое сознание уже несколько десятилетий демонстрирует **амбивалентность в отношении национальных и местных приоритетов**. Районные, городские, сельские проблемы занимают граждан в разы сильнее, чем «национальные». Мусорные, экологические проблемы, местное образование,

всё, что непосредственно касается реальной жизни – вызывает низовой протест, ведёт к митингам (даже в условиях фактического запрета), росту самоорганизации и другим проявлениям живого гражданского общества. А внимание к «национальным» проблемам столь мало, что властям приходится платить людям хотя бы за формальную, «для галочки» вовлечённость в повестку дня.

В-третьих, если опираться на опросы, проводившиеся до 24 февраля 2022 года, **сложности и приоритеты простых россиян не сильно менялись с начала двухтысячных**. Их волнует социальная справедливость (что это значит, обсудим ниже), состояние образования, медицины и социального обеспечения/пенсионной системы, криминальная безопасность/

уровень преступности, наличие работы и адекватной оплаты труда. Гораздо меньше их волнуют «величие» и «статус сверхдержавы», обороноспособность и тем более внешняя политика, хотя имперские амбиции и великорусский шовинизм находят поддержку примерно у четверти населения России.

Как уже сказано выше, начатая 21 сентября 2022 года «частичная мобилизация» **может оказать катализирующее воздействие на многие болевые точки в отношениях общества и власти**, однако первый шок, который мы наблюдаем сейчас, – с массовым бегством в безвизовые страны, конфликтами военкоматов и матерей, даже антивоенным терроризмом – это, увы, разрозненные и слабые симптомы.

Какие выводы можно сделать из сказанного?

Приоритет социальной справедливости в опросах, скорее всего, означал (и, уверены, означает и сегодня) массовое ощущение её дефицита. Мир российского маленького человека обложен несправедливостями – от маленьких и неудобных квартир до нищенских зарплат и пенсий. Многие из этих несправедливостей созданы государством (в том числе и в путинский период), то же государство постоянно и сознательно – с точки зрения простого человека – игнорирует его проблемы, занимаясь тем, что далеко не приоритетно с точки зрения массового сознания (например, войной в Украине).

Инерционность желаний (и, соответственно, представлений о желаемом будущем) – отдельная и особая проблема любой перспективной трансформации. И без того драматические для большинства 1990-е постоянно демонизировались в годы правления Путина; страх перемен стал одним из свойств российского массового сознания. Можно ли на основании этого сделать предположение, что **любая** реформистская повестка проиграет консервативной? Что население выйдет защищать путинское «вечное настоящее», если ему вдруг станет противостоять тревожное, бурное и непонятное будущее? Ответ вполне очевиден. Нет, население не будет защищать прошлое, просто не будет очень радо переменам, и его придётся уговаривать их поддержать (или хотя бы не противиться).

Желание большей социальной справедливости можно интерпретировать двумя способами: более радикальный предполагает «возмездие» тем, кто

ранее творил несправедливость, с последующим установлением более справедливого мира. Менее радикальный исходит из необходимости воздать должное несправедливо обделённым. Это своего рода путь «позитивной дискриминации», схожий с тем, что был выбран в США для сглаживания последствий рабства и сегрегации. На словах, полагаем, многие россияне за первый, радикальный вариант, но в реальности – если им будет предложен выбор – согласятся на второй.

Отдельный вопрос – хотят ли русские войны? На него есть два взаимоисключающих ответа. До 21 сентября под давлением долгой и ежедневной пропаганды, с установками типа «если начали, нужно идти до конца» – да, скорее всего, большинство россиян поддерживали войну. Другое дело, что они поддерживали именно **колониальную войну, которую ведёт профессиональная, оплачиваемая армия** где-то далеко от них, от их городов и деревень (как поёт Ирина Богушевская, «где-то далеко идёт чужая война»). Примерно так же большинство относилось к чеченским войнам. Отправка на фронт близких и совершенно невоенных людей, без всяких сомнений, окажет воздействие на эту точку зрения, причём, скорее всего, не в желаемом направлении. Даже идеологический ход с «принятием Донбасса» в состав РФ, после которого война риторически превращается из агрессивной в освободительную, как нам кажется, не станет палочкой-выручалочкой. Образно говоря, Владимир Соловьев не Юрий Левитан и никогда им не станет.

Второй ответ, сугубо отрицательный, общество даёт на вопрос о поддержке тотальной войны, войны со всем окружающим миром. Несмотря на имперский синдром, на коктейль из комплекса превосходства и комплекса неполноценности, россияне – за небольшим исключением совсем сумасшедших – сторонники мирного сосуществования.

Некоторые недавние социологические исследования показывают, что 20-25% опрошенных объединяет интересная особенность: их мнение о политике, внутренней и внешней, строго соответствует текущему мнению Кремля/Путина/государства. Представители этой группы внимательно следят за «изгибами линии партии» и тщательно их повторяют, считывая сообщения и в медиа, и в персональной коммуникации. В отличие

от более консервативных и «патриотических» групп, представители этой страты не агрессивны и не стремятся переубедить противников Путина, войны, режима, если сталкиваются с ними.

В исследовании Zinc Network, проведённом в конце весны – начале лета 2022 года, этот социальный кластер назван очень точно: «заложники/пленники государства» (state captured). Причина их «соответствия» информационно-пропагандистским требованиям власти не в том, что они с ними согласны, а в том, что они, будучи на 100% зависимы от государства, понимают все риски несогласия и тщательно прячут собственное мнение за фасадом повторения официальной позиции. Это государственные служащие, администраторы на местах различных государственных и общественных институтов (медицина, образование, социальное обеспечение, ФСИН, миграционные подразделения полиции), значительная часть работников государственных учреждений медиа и культуры, младшие и средние офицеры и часть пенсионеров. Отношение этой крупной группы, равно как и «молчаливого большинства» в центре общества, к государству, его политике и войне определяется тремя рациональными факторами:

1. Способность и желание государства удерживать экономический контроль над этими группами. Несколько задержек выплат, отказ от индексаций пенсий и пособий, от премий (важнейший компонент скреп лояльности) может привести к существенным колебаниям внутри «пленников государства» и «молчаливого большинства».
2. Способность государства к контролю над вещательными сообщениями. Для контроля важно удерживать как агрессивных «поджигателей войны», так и тех, кто от имени государства говорит о желаемом мире.
3. Способность государства к имитации обратной связи. Хотя «пленники государства» и «молчаливое большинство» не особенно надеются на щедрость Кремля и правительства, тем не менее они последовательно формируют запрос на рост пенсий, пособий, зарплат в социальных секторах. Соответственно, Путин/Кремль обречены осуществлять публичные подачки для удержания контроля.

Эти немудрёные принципы управления подчинённой массой были известны ещё античным деспотам, позже их систематизировал Макиавелли в своём «Государе». Однако современное общество намного сложнее античного и даже эпохи Возрождения.

Самый вероятный вариант поведения ВСЕГО российского общества в случае начала перемен (или хотя бы появления условий для них) – осторожный нейтралитет до момента смены медийных и пропагандистских оценок, как это было в случае с концом КПСС и СССР. Части «большинства» начнут откалываться и сопротивляться режиму открыто намного раньше момента критического слома системы, но ни сопротивления, ни поддержки переменам от основной массы граждан не будет.

Чтобы использовать эти наблюдения в оценке теории перемен, нужно рассмотреть возможные колебания в массовом сознании на фоне трёх потенциально возможных событий, могущих стать триггерами изменений: (1) фронтовая катастрофа в войне в Украине, которую трудно или невозможно скрыть, когда армия не просто бежит, а с оружием возвращается в Россию; (2) внезапная смерть Путина, когда элитные группы вступают в драку за власть и неизбежно нарушают как баланс лояльности, так и работу пропагандистской машины; (3) острый, быстро расширяющийся социально-экономический кризис, в особенности нарушающий важнейшие логистические цепочки (снабжение продовольствием, теплом, местным общественным транспортом).

Потенциальное военное поражение в Украине, бегство с фронта, неизбежный рост насилия внутри страны способны спровоцировать правые волнения национал-социалистического типа (помните требования большей социальной справедливости?), которые окажутся сильнее охранительных сил; такой сценарий ведёт к крайней дестабилизации и, увы, гражданской войне.

«Исчезновение Путина» до 24 февраля 2022 года, скорее всего, запустило бы описанный в Конституции механизм легальной преемственности: премьер-министр становится и.о. президента, объявляет досрочные выборы и, пользуясь административным ресурсом, финансами государства и аппаратом насилия, спокойно занимает место в Кремле. Но теперь

легалистский вариант преемственности практически исключён, и случись что, «чемоданчик всевластья» окажется в руках случайного душеприказчика, будь то хунта Совета безопасности или директор ФСО. Возможно, эта незаконная преемственность не получит массовой поддержки. Это не столько создаёт условия для перемен, сколько может стать катализатором вторичных процессов более широкого спектра.

Лавинообразный экономический кризис – наименее опасный вариант для действующей власти (какое-то время можно пожить в условиях чрезвычайного положения, при этом под шумок свернув боевые действия в Украине), однако стратегически он самый опасный для политической и территориальной целостности

России. Московская власть будет решать проблемы столиц и мегаполисов за счёт полного оставления «малой России», фактически провоцируя регионы на поиск новых способов выживания – включая независимость, обращение к другим странам за помощью и т.д.

Исключённое из политики, «заглушённое» и непредставленное во власти население – это не только «актив» путинского режима, но и висящий над ним дамоклов меч. Неспособность выполнить патерналистские обещания и «хотелки», удержать жизнь народа на определённом уровне может обернуться взрывом, который мы со страхом называем «гражданская война». Перспектива плохая, но не замечая её, нельзя выстроить видение перемен.

Очень много вариантов

Всё сказанное не добавляет оптимизма в отношении будущих изменений в России. С биологической точки зрения Владимир Путин может оставаться во главе государства ещё как минимум десятилетие, а то и дольше. С политической точки зрения всё несколько сложнее. 2024 год надвигается на Путина и остальную Россию по колее 2022-го (с войной в Украине, репрессиями и глобальной экономической и политической изоляцией), проталкивая вперёд 2023-й (с потенциальным кризисом в Европе из-за энергоносителей). Россия становится точкой напряжённости для всего мира, прежде всего для своих соседей.

2024 год – это год выборов, которые могут состояться, но могут и нет. Как решение их провести, так и решение их отменить может стать взрывателем. Каждый следующий месяц войны увеличивает риски непредвиденных эффектов внутри России и снаружи. До решающего декабря 2023 года остаётся 15 месяцев. Что случится за это время?

В ноябре 2022 года пройдут промежуточные выборы в США. Наиболее вероятный их результат – недееспособный Конгресс, который не сможет принять новые законы, затрагивающие внутреннюю политику, зато легко объединится

для поддержки внешнеполитического курса Белого дома (а это курс на изоляцию России).

Зима 2022-2023 года в Европе будет сложной и политически очень значимой. Если запасы энергоносителей и текущие поставки не повлияют – по крайней мере критически – на положение в ключевых странах ЕС (Франция, Германия, Италия, Польша и Нидерланды), то расчёт Путина на внутренний коллапс европейских демократий не оправдается. Пока вероятность пусть сложного, но прохождения опасного зимнего времени вполне реальна. Победа правых популистов на выборах в Италии, скорее всего, не сможет ничего принципиально изменить – тем более что от «руки Москвы» сегодня бегут даже самые преданные в довоенный период итальянские политики.

Пока непонятно, какие условия пленум ЦК КПК выдвинет Си Цзинпину, утверждая его в качестве лидера партии и страны на очередной период, выходящий за пределы практики последних 40 лет. Эти условия вполне могут касаться и поддержки Москвы, причём скорее в негативном для Кремля контексте (экономика Китая куда как больше нуждается в США, ЕС и Японии, чем в России).

В Москве, несмотря на медицину, в любую

минуту могут начаться новые «гонки на лафетах», как называли череду государственных похорон членов Политбюро в 1983-1985 годах. Этот исход патриархов отчасти определил организационную и политическую нестабильность времен Горбачёва, и «летальный распад» правящей вместе с Путиным группы может существенно ускорить ход истории.

Другим ускорителем истории становится война в Украине и её последствия. Боевые действия, продолжающиеся на фронте в 1500 км длиной и очень разными условиями, – источник постоянного риска. Как показали первые полгода войны, у армии РФ нет никаких решающих преимуществ перед ВСУ, кроме количества артиллерии и амуниции. Поставленные в рамках поддержки Украины западные системы – от 150 мм гаубиц до систем HIMARS – обеспечили «уравновешивание» фронта. Как и в любой «окопной» войне, в украинской кампании многое зависит от артиллерии: успешное применение технически более совершенных систем HIMARS создаёт тяжелейшие проблемы для фронтовой линии российских и сепаратистских сил, однако общий численный перевес пока остаётся на стороне ВС РФ.

С учётом мобилизационных мероприятий в распоряжении российского командования окажется, как полагают военные аналитики, до 50 тысяч солдат и офицеров из более или менее подготовленных профессиональных подразделений. Какую-то часть мобилизованных «затыкать дыры» на растянутых фронтах, пополняя ими поредевшие части на донецком и херсонском направлении – то есть пошлют на верную смерть. Увольнение начальника тыла ВС РФ и назначение на его место самого жестокого генерала страны Мизинцева явно показывает, что снабжение армии в ужасающем состоянии.

Украинская армия осенью пополнится десятками тысяч обученных и организованных солдат, многие из которых оснащены более совершенным, чем у ВС РФ, оружием. Администрация США с начала октября получает в свое распоряжение инструменты ленд-лиза и наращивает военные заказы, в том числе для поставок Украине освободившейся наличной техники. В этой ситуации нет предрешённости, но есть большие риски для российской армии, особенно на южном направлении.

Серьёзные поражения – это не только большие потери, это ещё и неизбежная трансляция проблем во внутреннее информационное и физическое пространство. Украина смогла преодолеть первоначальные потери живой силы, территории, техники за счёт патриотического подъема, фактического формирования военно-политической нации в режиме реального времени. Для этого потребовался не только харизматичный президент, способный каждый день говорить с народом, не только его команда, не струсившая и не рассыпавшаяся, не только армия, оказавшаяся способной противопоставить умную силу грубой силе, но и очень мощные коммуникационные усилия. Безусловно, украинские стратегические коммуникации тоже работают в режиме военной пропаганды, безусловно, украинские СМИ подключаются к государственным каналам (и требованиям) – но в отличие от того, что делают российские медиа, это искренние чувства и эмоции.

Не будет преувеличением сказать, что в степях Херсона и холмах Донбасса сегодня определяются многие из пределов и ограничений для России будущего. Тактические и тем более стратегические победы Украины формируют один его вариант, но и движение сил ВС РФ вперёд не исключает другого, мрачного.

Война может закончиться несколькими способами. Расположим их по степени влияния на внутривнутриполитическую ситуацию и потенциальную смену режима в России.

1. Исчерпание сил. Для Путина опаснее всего не поражение (поражение ядерной державы – материя, не изученная на практике), но ситуация, при которой у страны не остаётся возможностей продолжать войну. Это констатация стратегической ошибки Путина, который неверно оценил возможности армии, общества и тем более элит в отношении агрессивной войны, в которой Россия столкнулась не просто с Украиной, но с большей частью Запада. Утрата возможности вести полноценные боевые действия, дефицит боеприпасов, логистические провалы и падение лояльности войск – наихудший, аналогичный февралю 1917 года, вариант развития событий.
2. Однократное серьёзное поражение. Очень болезненный для репутации, но

менее проблематичный для сохранения конструкции власти и общества вариант. Армия РФ отходит на защищаемые рубежи, а политическое руководство начинает активно искать перемирия, в том числе предполагая существенные уступки и Украине, и коллективному Западу в надежде «в остальном» оставить всё как есть. Политические последствия такого отступления варьируются от «ничего не случилось» до настоящего зверского фашистского ресентимента, однако «горячая» война в Украине с этого момента заканчивается и конфронтация переходит в режим накапливания сил для следующей серии войны.

3. Политическая доминанта. Затягивание войны приводит к тому, что политика, прежде всего внутренняя, начинает играть большую роль, чем фактическое положение дел на фронтах. Это специфический вариант «исчерпания сил», при котором внутренние проблемы – не столько производственные или экономические, сколько социальные и политические, – делают продолжение военных действий нежелательным. В рамках этого варианта отступление или закрепление status quo определяются не фактическими возможностями общества, морали и экономики, а их политическими интерпретациями. Наверное, достигнутые в 2014 году Минские соглашения определялись схожими обстоятельствами: Россия не хотела дальше увеличивать свое вовлечение во «внутриукраинский конфликт», Украина не могла обеспечить полноценного военного противостояния.

4. «На западном фронте без перемен». Вариант затянувшегося «окопного» противостояния,

для путинской властной модели – вполне управляемая ситуация с точечными репрессиями, «частичной мобилизацией 2.0 и далее» и другими элементами чрезвычайного режима, однако не летальная угроза.

5. Случайный успех. Некая операция армии РФ, схожая с прорывом Тухачевского к Варшаве в 1920-м, при которой стратегического результата достичь не удалось, но навязать мир на более выгодных для себя условиях получилось. Нельзя исключать, что несмотря на неудачи первых месяцев войны, ВС РФ всё ещё располагают возможностью чувствительного рейда в самые глубокие тылы Украины. Конечно, новая Украина вряд ли примет сегодня то, что Путин выторговал в 2015-м; но в руках у кремлёвского диктатора есть ещё и ядерное оружие, угрожая которым – в этом случае всерьёз, – он может добиться больших уступок.

Вариант поражения Украины, оккупации значительной её части и последующей аннексии даже не стоит рассматривать: Россия физически не располагает ресурсами для полноценного подчинения 40-миллионной страны, пользующейся поддержкой Запада. Политические угрозы формирования «Новороссии», аннексии юга Украины и части левобережья – это не только углубление конфликта с Западом (не Украины, а вообще), а почти неизбежные санкции уровня CoCom¹.

Как война может изменить ситуацию внутри России, которая, как мы знаем с первых строк предлагаемого текста, статична и замкнута на Путина Владимира Владимировича, 1952 года рождения, г. Ленинград, члена КПСС с 1972 года, разведённого, подполковника КГБ СССР, премьер-министра, президента РФ?

1 Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (CoCom) был создан западным блоком во время Холодной войны для введения эмбарго в отношении стран СЭВ. CoCom прекратил свою деятельность 31 марта 1994 года, а актуальный на тот момент контрольный список товаров, на которые было наложено эмбарго, сохранялся странами-членами до создания в 1996 году его преемника – Вассенаарских договорённостей.

Несколько противоречивых тезисов

Война не улучшает управляемость, а ухудшает её.

Один из краеугольных камней путинского режима – сквозная вертикальная управляемость. Её отсутствие было главной претензией Путина и его политического окружения в период перехода власти (2000-2003 годы), потом стремление к управляемости стало буквально маниакальным, распространившись от государственных органов на всё, что хоть как-то финансируется или администрируется государством.

Необъявленная война для любой организации, равно как и государства, намного хуже формальной: никакого военного положения (довольно строго определённого законами) нет, но требования со стороны вышестоящих могут – а могут и нет – соответствовать тому самому положению. В результате исполнители в гражданских администрациях, в полиции, в армии, в военно-промышленном комплексе самостоятельно решают, действуют ли в отношении них и их подчинённых чрезвычайные законы. Внутри системы начинают возникать конфликтующие – по важности, по сути, по содержанию – требования. Начинается бардак.

Лояльность и патриотизм – не синонимы.

Путинский режим является персоналистским, как и многие аналогичные полуполитимные латиноамериканские или африканские. При этом часть лоялистов преданы не Путину лично: они искренне считают, что их участие, например, в войне или её пропагандистской поддержке есть настоящее проявление патриотизма. Таких немало и в офицерской среде, и, наверное, среди чекистов, следователей и полицейских. Значительная часть такой «лояльности» – это некая форма территориального национализма, в которой личность вождя важна и влиятельна, лишь пока он не делает чего-то, с точки зрения такого натурального патриота, неприемлемого.

Например, если в каком-то из неприятных для российской армии варианте развития войны в Украине от Путина потребуются усилия переговоров о прекращении огня, перемирии, тем

более – уступках, лояльность этих групп может обнулиться в один день.

Желайте лучшего, будьте уверены в худшем.

Российское общество сложное, мы не знаем о нём достаточно, чтобы предсказывать его. Однако Гуссерль был совершенно прав, когда сформулировал: *как бы хорош ни был человек, в ситуации кризиса он ведёт себя как животное*. Насколько будет глубок кризис, который потенциально может изменить Россию, и какие силы – животные или разумные – возобладают?

Один из важнейших грехов путинского режима в том, что он начал культивировать в душах россиян страх перед уничтожением на основании национальной и государственной (и даже культурной) принадлежности. Путин хоть и говорит о неполноценности украинской государственности, но всё же не доходит до позиций Гитлера, объявлявшего другие народы недостойными существования на основании расового превосходства арийцев. Он поступает хитрее, уверяя, что русские/россияне так хороши, что остальные народы завидуют и мечтают их извести. Это нацизм наизнанку, не превосходство через уничтожение, а избегание уничтожения через превосходство.

Ужасно, что эта мысль проникла в российское массовое сознание. Ужасно, что она там закрепились.

В этой связи вопрос: будет ли российское население в ситуации кризиса вести себя как нормальные люди (то есть спасать себя, свои семьи и имущество) или как загнанные в угол крысы, любимый образ Путина? Во втором случае – кнопка, взрывы, конец.

Пока что «молчаливое большинство» на словах поддерживает второй – худший – вариант развития событий. Оно послушно кивает и соглашается с бредом об отмене русской культуры. Оно соглашается отправлять детей, мужей и отцов на братоубийственную войну в Украине. Оно гордится купленными на похоронные деньги автомобилями.

Переход начнётся с худшего

Опираясь на проведённый анализ, можно предположить, что переходный период будет бурным и, главное, крайне опасным – и для самой страны, и для мира в целом. Пофантазируем, как и когда перемены могут начаться.

Середина 2020-х. Будущее России – или, правильнее говорить, народов, населяющих территорию Российской Федерации сегодня – начнётся не с радостной «бархатной революции»: даже самые смелые провидцы не рискуют предсказывать этот вариант.

Между началом 2024-го и 2030-м совокупные силы естественной биологии и общественной деградации приведут к слому существующего режима. Теоретически это может случиться и раньше, но, скорее всего, именно следующее президентское шестилетие станет критическим.

Война на западных границах – видимо, уже не только в Украине – станет постоянным внутренним политическим фактором. Она будет медленной, вампирски высасывающей из общества и экономики ресурсы, всё более скудные из-за санкций, режима СоСом и общего обеднения населения, зависимость которого от государственных подачек становится всё более очевидной.

Смерть Путина в районе 2028 года завершает новые «гонки на лафетах», и к власти приходит новое поколение – в основном это бывшие охранники ВВП, люди с сомнительным образованием и отрицательной эмпатией. Общество, парализованное страхом и нищетой, не сопротивляется, но угрюмо ворчит. Постепенно «охранники» оттесняют деятелей, связанных с предыдущим режимом; Россия узнаёт много новых способов умерщвления людей – от запуска в космос без скафандра до растворения в кислоте.

Единственное, что в отношении России волнует Европу (и в существенно меньшей степени США, где президентом стал Эрик Трамп),

так это интенсивность боевых действий на фронтах. Украина, используя поставки западного оружия, добилась окончательной стабилизации положения, научившись жить в условиях войны, однако наступательного вооружения и сил для освобождения своих территорий у неё нет.

С момента смерти Путина власть в Москве сменилась уже три раза. Некто Дюмин, оказавшийся во главе первой хунты охранников, подавился косточкой граната. Миронов, принявший власть после Дюмина, собирая на Николиной горе грибы, случайно наступил на установленную украинскими диверсантами мину. Криворучко, сменивший Миронова, едва избежал смерти от мины, прикреплённой к кремлёвской стене в том месте, где хоронили Дюмина и Миронова. Криворучко оказывается довольно изобретательным персонажем и с боями прорывается к так называемому «красному телефону» (с момента смерти Путина доступ к нему обороняли какие-то странные ниндзя под командованием Кириенко, но их сопротивление было сломлено). Он сообщает американскому президенту, что Путина больше нет, а власть теперь принадлежит ему. Правда, на вопрос «А где ядерный чемоданчик?» Криворучко может ответить только «Ищем». Голливуд начинает съёмки фильмов-катастроф, где дьявольский русский президент теряет «ядерный чемоданчик». Стивен Спилберг отправляет в Шереметьево исследовательскую миссию, задача которой не допустить известных ошибок (типа паспорта Фомы Киняева), а также попытаться понять, куда ж мог бежать морской офицер, которого всю жизнь тренировали «если что, ты в ответе».

Шутки шутками (а всё описанное, конечно, шутка), но центральной проблемой-2024 становится контроль над ядерным оружием. Путин может остаться или поставить вместо себя очередного местоблюстителя – но способность отдать последний в жизни приказ он оставит за собой.

Переходные идеи важнее желаемого будущего

Один из выводов, эксплицитно следующий из предлагаемого выше анализа, таков: классическая теория перемен плохо применима к такой большой, сложной и имеющей собственную логику развития системе, как Россия. Внешний мир – хоть Запад, хоть Китай – имеет крайне ограниченные инструменты для воздействия на происходящее внутри страны, несмотря на гипотезы Путина и его окружения о страшных иностранных НКО, способных организовать свержение его режима. Не располагают такими инструментами и ненавидят западные (и восточные) разведки.

Участниками процесса перемен – равно как и процесса консервации – в России являются на 99% внутренние силы, которые мы проанализировали выше. Но мы оставили за скобками оппозицию режиму Путина, как внутреннюю, так и внешнюю, в изгнании. В финальной главе стоит обсудить, какую роль эта оппозиция может и должна сыграть в судьбе страны.

Двадцатые годы XXI века – это новая технологическая реальность. Даже самые совершенные в своём изоляционизме диктатуры типа северокорейской не могут полностью отгородиться от окружающего мира; не только интернет, но и множество других методов коммуникации обеспечивают относительно свободное движение информации по всему свету. Россия – не исключение. Блокировки Роскомнадзора работают только отчасти, информация прорывается за новый железный занавес, потому что там есть и будет спрос на альтернативу.

Внешняя эмиграция выполняет свою важную роль: информирование тех, кто внутри, о реальном положении дел на фронте, в экономике России, о положении страны в мире. И СМИ в изгнании, и отдельные люди, говорящие со своими родственниками и друзьями, выполняют роль медиума, который всегда больше, чем сообщение.

Внутренняя оппозиция тоже существует, хоть и под сильнейшим авторитарным давлением. Она сместилась в зону, где у правящего режима не хватает фокуса – в местную, глубоко локальную политику. Конечно, путинская власть и там находит и уничтожает свободное мнение, свободное слово и неподконтрольную политику – но как трава через асфальт, эта поросль всё равно пробивается.

Большая часть эмигрантской и местной оппозиции – либеральная. Но есть и левая (даже ультралевая), есть антитоталитарные патриоты, есть даже державники, которые поддерживают представительную демократию.

При этом, в отличие от ориентированного в прошлое Кремля, почти все российские оппозиционеры, от сторонников Навального до неоимперцев Романа Юнемана, – про будущее. Про страну, в которой почему-то оказались разрешены свободные выборы, независимые СМИ и политические партии. В рамках теории перемен оппозицию можно назвать «скамейкой запасных». Мы не знаем, как именно пойдёт изменение режима, но мы точно знаем: только те силы, которые занимаются мечтой о будущем, конструированием грядущего, деталями переходного периода – только они окажутся решающими в тот момент, когда по биологическим, военным или политическим причинам начнёт меняться и форма, и суть режима в Кремле.

Об авторе

Василий Гатов – российско-американский исследователь медиа, приглашённый научный сотрудник Университета Южной Калифорнии.